

2003 - 22
2011.11.8

Новая за...

О пять своей фитнес-заниматься, Петлюра? — спрашивают соседи, когда проходят мимо дворовых контейнеров, в которых я роюсь. Они привыкли. Двадцать лет я шарю по российским помойкам, выковыривая из них уходящее время. Добычу отшкребая, притаскиваю в свой подвал и фасую по мешкам. Отдельно — удостоверения, трудовые книжки, фотографии. Отдельно — скульптурки, железки, часы. Отдельно — галстуки, платица, пальто, пуговицы. Отдельно — обувь. Мешки, мешки, мешки. Одной обуви у меня сегодня две тысячи пар, я мог бы выложить ботинками, сапогами, туфельками, сделанными на протяжении столетия, всю Красную площадь. Зачем мне этот утиль? Во-первых, чтобы все поняли, какой я нежный, чуткий, внимательный. Во-вторых, хочу написать вещами самую объективную летопись двадцатого века. Каждая вещь — это буква. Она рассказывает и о своем хозяине, и о своей эпохе вернее любых исторических трудов. Надо только прислушаться и так выбрать и так положить рядом предметы, чтобы все сразу стало понятно.

Вот старый электропатрон. Его вкручивали раз пять в этой стране, выкручивали, протачивали и еще раз вкручивали. Когда рассыпался — расклепали, вбили винтик, болтик, гаечку и еще раз вкрутили... Пиджаки 30-х, 40-х годов. Мужские, строгие, крепкие, серые, с плечами. Смотришь — и кажется, что из рукавов лезут руки. В Лондоне один из самых дорогих бутиков, куда Вивьен Вествуд приезжает покупать в свою коллекцию платья семнадцатого века для вдохновения, предложил мне выставить их на продажу. Крунуть неделю сталинских фильмов, чтобы было понятно, что к чему, — и продавать за бешеные деньги. Я отказался. Разбивать коллекцию из-за 20—30 тысяч долларов? Они бы давно уже улетели, и ничего в моей жизни бы не изменилось...

Той же сталинской эпохи мундштуки, зажигалки, зажимы, маникюрные мужские наборы: важные аксессуары пролетарского придворного круга — на протяжении времени, времени стучачей и шпионских страстей, слагалось из таких вот странных мелких штучек. И тут же — фуфайки, вышитые орнаментом, трусы с серпом и молотом, лифчик, сверху обшитый тесьмой, с внутренним карманчиком под деньги, сделанным из флажка «С праздником Первомай».

...Послевоенные туфельки — на них кисточкой нарисован салют. Так вроде просто! Гора женских халатов. Грустные, стремные. Дамские сумочки, по четыре раза покрашенные советской половой краской — красной, зеленой, синей.

Шестидесятые... Повсюду самоварное золото, анодированная посуда, ложки с напылением, на сервантах позолоченные ручки — все красиво, все блестит, народ счастлив. И такая в этом тоска, и такая в этом грусть.

Художник и модель

Александр ЛЯШЕНКО (ПЕТЛЮРА) — авангардный модельер:

Родился в 1955 году на Украине. Мама — сельская учительница, папа — шахтер. Образование: Строгановка. Творческий маршрут: президент Свободной академии искусств, организатор арт-коммуны, председатель фонда «Заповедник искусств». Главный вклад в мировую культуру: уникальная коллекция из 10 000 предметов «20 век», собранная по мусоркам страны и зарубежья. Приметы славы: восемь документальных фильмов, снятых о нем режиссерами Германии, Швейцарии, Нидерландов, США, Польши, персональный благосклонный отзыв королевы Испании. Включен в книгу «Самые эпатажные личности 20-го века»

Семидесятые... Платья из нейлона и кримплен с их скорбной несуразимой пропорцией: сами — широкие, бесформенные — и три четверти рукав. Заказ системы, уничтожавшей пол. Точнее вещи быть не может... меховые разноцветные шапочки. По всему миру панк еще не утвердился, а у нас бабушки в метро уже рассекали в этих шапочках — зеленых, розовых, фиолетовых. Вологодские шапки из перьев чуть ли не ворон. Их делали от нищеты, потому что другого материала не было. А парижанки, когда в этом году в центре современного искусства Картье я делал перформанс «Мир Петлюры», всплескивали руками: это же купор!

Первые годы перестройки. Совмещение идиотизма с модой — замшевые ботфорты, а к ним пришиты железные круляшки с сумки, которыми обивали куртки деревенские гопники. Вторых таких не встретишь... Сатиновые рубашки «Мальборо», стираешь, и краска стекает. Дембельский сапог, на который налепили каблук а-ля Траволта... Вьетнамский рыночный кич: плохой сатин и на нем золотыми нитками вышито на машинке «Кристиан Диор», коробочки от духов «Шанель» вместо «Шанель», носки с Дедами Морозами,

МОНОЛОГ УСПЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА

ВРЕМЯ, НАЙДЕННОЕ НА СВАЛКЕ

У Петлюры наконец-то все получилось

галстуки с рыбами, членами, которые начали делать в расчете на русского лоха. И на всех лохов мира. Потому что, как оказалось, к моему удивлению, не только мы тогда были такими.

В 89-м году я делал в Западном Берлине акцию «Один на один с капитализмом». Уже был подписан договор о сносе стены, и с западной стороны ее начали потихоньку долбить. Первым был предприимчивый господин с киркой для горного туризма. Он стоял и бил. Естественно, вокруг него собирался народ и все тоже хотели ударить. Пожалуйста, один удар — одна марка. Я офигел от западного предпринимательства.

А по другую сторону стены день и ночь стояла гигантская очередь из восточных немцев. В Западном Берлине им выдавали по сто марок на человека, и они составляли списки, дежурили ночами, жгли костры, получали и тут же в приграничных универмагах сметали с прилавков весь мусор и воровали больше русских.

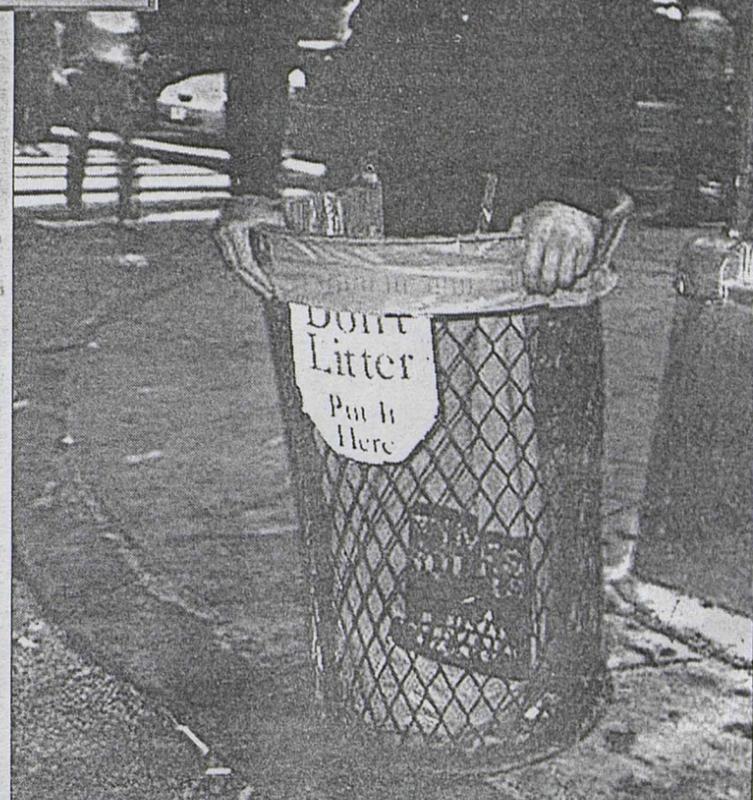
Я видел, как они садились в магазин на пол, вскрывали и запикивали в себя упаковки колбасы, ветчины, рыбы, а к кассе подходили с одной шоколадкой. И я вместе с ними вливал в себя банки пива, пожирал консервы, как во сне, который мне часто снился в

детстве: витрины открытых магазинов, везде консервы, и я их ем, ем, выхожу на улицу, а желудок — пустой. Я ел уже наяву и гордился, что мы не самые опущенные по несчастью, что гэдэровцы несчастнее нас, потому что жили у такой вот стены. Я их понимал и одновременно злился. Мне хотелось их как-то предупредить — не торопитесь просыпаться, вы же не знаете, куда едете, в какую систему.

И я придумал такую штуку: ночами выламывал с западноберлинских «мерседесов» фирменные знаки, потом мчал на границу ГДР и скотчем крепил их на пластмассовые табараны восточных немцев. На пятые сутки меня поймали полицейские: — Кто такой? — Профессор свободной московской академии.

А на мне 50-го размера штаны шестидесятого года издания, вокруг них дважды обмотан ремень от старого чемодана, кожаная водительская куртка, как у Козлевича.

— Профессора так не одеваются. — У нас одеваются. Это русский авангард. Отметелили и отпустили. Загадка девяностых: чем жизнь отличается от члена? Жизнь жестче.

Из личного архива А. ЛЯШЕНКО

И вот они — фотоальбомы, письма, целыми ящиками, из контейнеров эпохи приватизации, когда начался квартирный бизнес и пошло: обманули, подожгли, вышвырнули, расселили, прислали рабочих, которым наплевать, и — весь чей-то мир выброшен на помойку.

Листаешь, читаешь — и перед тобой целая жизнь: сначала дитя в плетеном кресле, потом молодой военный, улыбается, пишет письма с разных фронтов: «Дорогая Таяшка...», вернулся, дали квартиру в хорошем доме из финского кирпича. Широкие балконы, закуска, столы... и, наконец, гроб, а возле гроба одинокая старая женщина. Таяшка? И все на мусорке, на фиг никому не нужно. Смотришь, смотришь, оторваться нельзя, к концу начинаешь жалеть и себя, и его.

Помню бабушку в трамвае из того же периода: от пальто шибает нафталином и по воротнику бежит клоп. И аристократичности в ней — караул! Я любовался и с грустью думал: ну и что же, что запах и насекомое, — это не она такая, это эпоха уже начала уничтожать подобных людей.

В детстве на другой половине нашего дома, через забор, жили Николай Павлович и супруга его Анна Павловна. Он был сосланный питерский аристократ, она — безрукая горбуныя. В деревне шептались, что из тюрьмы Николая Павловича освободил отец этой Аннушки с условием, что он на ней женится. Сначала они меня раздражали. Особенно Анна Павловна. Живет и ничего не делает в жизни. Весь двор в цветах. Выйдет, цветочки польет. Потом сядет в шезлонг и сидит, читает книжку. Они и картошку не сажали, нелюди! А у нас — огород, укроп, огурцы. Что же за паразитизм, куда страна и милиция смотрят?

Мне хотелось попасть к ним в дом, но я так никогда и не попал. Туда, когда они умерли, попала мама и вытащила кучу странных вещей, о которых я знал, что они есть за стеной: старинная гитара, под которую Николай Павлович по вечерам пел романсы, и в серебряном подсвечнике наверняка горела свеча, тарелочки, салатницы, соусницы кузнецовского фарфора, ручной росписи, первого гвардейского полка. До глубокой старости у него было лицо молодого человека: худое, обтянутое,

был уверен, что она — Баба-яга. А потом понял, что она тоже была красивой. Как та трамвайная старуха. Сейчас рыться в мусорках стало тяжело. Раньше приходишь: в баке — хлеб, картофельные очистки, то, что не затолкнешь в унитаз. Теперь везде хавака, в контейнерах мешки со жратвой, сумасшедшие отходы. Не помню, кто сказал, что бытовуха определяет сознание, но сказал верно.

Едешь по раннему Подмосквовью и удивляешься — сплошной Диснейленд. Латунные крыши, петушки, витражи, ручки вырезаны, как на зоне. Зато богато. Церетели отдыхает. И за эту несуразимую отдают жизнь.

Когда наша бизнесвумен приезжает за границу, у тамошних людей волосы встают дыбом: она уверена, что так надо одеваться, а все сразу уверены, что это русская. Время напыщенности, фальши, время нашествия варваров. Что говорить, если уже половина художников живут в рафинированных квартирах, страдают, мучаются: надо купить вот эту машину, вот это пальто, вот этот мобильник... Сплошной соблазн мусором. А в шестидесяти километрах от Москвы мужик третье столетие ходит в той же фуфайке, валенках. Детишки за восемь километров ездят на лошадах в школу, где две учительницы — одна учит с-первого класса по пятый, другая — с пятого по восьмой. Помню свое нелепое ощущение, когда я по маленькой деревушке, где мой друг купил усадьбу, катался на снегоходах в шлеме с подогревом. Первый же встречный дед от изумления приподнялся от земли сантиметром на двадцать, точно увидел инопланетян. И в этом — вечная скорбная несуразимая Россия. Такой империи, как у нас, нет, не было и никогда не будет. Рассказывать о ней словами невозможно. Получается литературщина. Рассказывать о ней надо только вещами.

Ведущая рубрики Лилия ГУЩИНА